(Отдѣльный оттискъ изъ Русск. Фил. В. 1882 г.).

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР № 27464 1964
А-3646
Пр. 54

О ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА

въ нашихъ гимназіяхъ.

Никто, кажется, не отрицаетъ уже теперь важнаго значенія языковѣдѣнія въ системѣ наукъ гуманитарныхъ. Оно справедливо признается ключемъ, который открываетъ доступъ въ область наукъ этнологическихъ, историческихъ и философскихъ, подобно тому, какъ математика вводитъ въ область наукъ физическихъ и знаній техническихъ. Языковѣдѣніе допускаетъ сравненіе съ математикой и по важности предметовъ изученія, такъ какъ для успѣховъ мысли и жизни развитіе дара слова и изученіе его законовъ чуть ли не важнѣе еще развитія и изученія дара счисленія. Языкъ бо́льшимъ числомъ нитей переплетается съ объектами сознанія; онъ сильнѣе дѣйствуетъ на объемъ и содержаніе послѣдняго, чѣмъ выкладки и формулы математики. Да и самыя эти выкладки не мыслимы безъ содѣйствія языка, такъ какъ языкъ математическихъ формулъ все же — языкъ, т. е. звуковая либо графическая символика аналитическихъ и синтетическихъ процессовъ познавательной дѣятельности. Неудивительно, что первоначальная школа человѣка, школа его матери и няни, осно-

вана на развитіи дара слова, а не счисленій, т. е. сосредоточена на языковѣдѣніи, а не математикѣ. Въ этой первоначальной материнской школѣ формуется не только языкъ, но и мысль ребенка: она отливается въ логическія формы родного языка и до извѣстной степени кристаллизуется въ нихъ. Въ языкѣ находятъ себѣ выраженіе не только отраженныя въ сознаніи представленія предметовъ внѣшняго и внутренняго наблюденія, но равно и соотносительныя формы мышленія: первымъ соотвѣтствуетъ матерія мышленія, вторымъ же его форма.

Языкъ является, такимъ образомъ, носителемъ и органомъ умственной дѣятельности человѣка въ періодъ какъ первоначальнаго ея зарожденія, такъ и дальнѣйшаго развитія. Онъ сопровождаетъ также жизнь чувствованій и воли, содѣйствуя осмысленію первыхъ и помогая осуществленію импульсовъ второй. Въ языкѣ, въ произведеніяхъ словесности находятъ себѣ выраженіе и высшія содержанія человѣческой мысли, и лучшіе идеалы воображенія. Такимъ образомъ, всѣ виды душевной жизни находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми процессами сознанія, которые отражаются въ языкѣ, въ образованіи словъ, въ построеніи предложеній, въ составѣ рѣчи, а наконецъ въ развитіи произведеній словесности.

Формованіе языка было первымъ шагомъ въ развитіи человѣчества; съ нимъ связано было развитіе миѳовъ, т. е. первоначальныхъ формъ народнаго міровоззрѣнія въ области какъ теоретической, такъ и практической и эстетической. Тотъ же путь проходитъ и каждый отдѣльный человѣкъ въ ходѣ своего развитія. Вся разница заключается въ большей легкости, а поэтому и быстротѣ движенія по путямъ, протореннымъ вѣковыми усиліями цѣлаго ряда поколѣній. Вмѣстѣ съ элементами языка усваиваются дитятею элементы знанія очень обширнаго въ отношеніи экстенсивномъ, хотя и не глубокаго по интенсивности. Это дѣтское знаніе имѣетъ всѣ признаки довѣрчиваго и мечтательнаго миѳическаго міровоззрѣнія. Задача низшей, а еще болѣе средней школы заключается преимущественно въ томъ,

чтобы расширить сферу сознанія, съузивъ до возможныхъ предѣловъ область наивнаго, невольнаго, миѳическаго. Это же достигается главнѣйше постепеннымъ превращеніемъ представленій въ понятія, слѣдовательно разъясненіемъ полнаго, точнаго, научнаго смысла словъ. Представленія о воздухѣ, звукѣ, свѣтѣ и т. п. существуютъ и въ дѣтской головѣ, но понятія о нихъ развиваются лишь при изученіи физики; слѣдовательно одна изъ главныхъ задачъ послѣдней заключается въ научномъ разъясненіи словъ, относящихся къ явленіямъ природы. Ту же задачу должна имѣть, конечно, и грамматика въ средней школѣ: она должна расширить до возможныхъ предѣловъ область сознанія на явленія языка. Эта задача всего легче можетъ быть достигнута на изученіи состава и строя языка отечественнаго. Лишь отечественная грамматика встрѣчаетъ въ дѣтскомъ сознаніи живыя точки отправленія въ томъ запасѣ свѣдѣній и въ томъ чувствѣ языка, которыя пріобрѣтены и выработались въ школѣ матери и няни. Неизвѣстныя величины могутъ быть отыскиваемы всего легче въ той области, гдѣ есть уже цѣлый рядъ величинъ извѣстныхъ. Лишь родной, материнскій языкъ изучается при помощи пособій вполнѣ наглядныхъ, какъ указательный жестъ, и вполнѣ доступныхъ не только мысли, но и чувству, какъ голосъ матери. Чужіе языки изучаются уже менѣе наглядным и понятным образомъ: ихъ элементы доходятъ до сознанія не непосредственно, а при содѣйствіи родного языка. Не удивительно, что лишь родной языкъ имѣетъ въ сознаніи живость красокъ и яркость очертаній картины оригинальной; языки же инородные ложатся въ немъ какъ блѣдныя тѣни, слабыя копіи. Если такимъ образомъ родной языкъ является какъ бы зеркаломъ, на фонѣ котораго отражаются, или призмою, въ которой преломляются словесные символы чужой мысли, то понятно, что степень ясности и вѣрности отраженія находится въ прямой зависимости отъ чистоты того зеркала или прозрачности призмы. Отсюда слѣдуетъ, что изученіе родного языка должно быть средоточіемъ изученія всѣхъ другихъ язы-

ковъ—какъ древнихъ въ школѣ классической, такъ и новыхъ въ школѣ реальной.

До сихъ поръ я держался теоретическихъ основаній важности языковѣдѣнія вообще, а отечественнаго въ частности не только въ начальной, но и въ средней школѣ. Можно бы привести еще болѣе доказательствъ практической важности полнаго знакомства съ роднымъ языкомъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности; но важность эта никѣмъ не оспаривается, почему я и не стану на ней останавливаться и перехожу къ разсмотрѣнію вопроса: соотвѣтствуетъ ли задачамъ средняго образованія вообще, а классическаго въ частности современная постановка преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ?

По „Учебнымъ планамъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ Министерства народнаго просвѣщенія“ (изд. 1878 г.) на грамматику русскаго языка полагается въ гимназіи 12 уроковъ, именно по 4 въ I, II и III классахъ. Если къ этому прибавить еще 3 урока въ IV кл. на грамматику церковнославянскаго языка (за вычетомъ, однако, времени, необходимаго для „разбора описаній и повѣствованій“ въ томъ же классѣ), то получится 15 недѣльныхъ уроковъ, слѣдовательно въ три раза менѣе числа уроковъ латинскаго языка (43), въ два съ половиною раза менѣе уроковъ греческаго языка (37) и на четыре урока менѣе языковъ нѣмецкаго (19) и французскаго (19). При этомъ нужно имѣть въ виду еще то обстоятельство, что систематическій курсъ русскаго языка съ церковнославянскимъ заканчивается въ 4-хъ низшихъ классахъ гимназіи, тогда какъ преподаваніе всѣхъ остальныхъ языковъ доводится до 8 класса включительно, слѣдовательно пользуется преимуществами болѣе зрѣлаго возраста. Правда, „объяснительная записка къ учебному плану русскаго языка и словесности“ говоритъ, что „хотя четвертымъ классомъ заканчивается систематическое прохожденіе грамматики языковъ русскаго и церковнославянскаго, однако это не значитъ, чтобы, съ тѣмъ вмѣстѣ, заканчивались грамматическія занятія; напротивъ, они должны по-

стоянно продолжаться и въ остальные четыре года, какъ для сообщенія, при *случаѣ*, новыхъ теоретическихъ свѣдѣній, такъ и для укрѣпленія практическаго знанія“ (стр. 32). Но очевидно, что случайныя грамматическія замѣтки, которыя могутъ сопровождать историко-литературный разборъ произведеній словесности, нисколько не замѣняютъ высшаго систематическаго курса отечественной грамматики, который могъ бы проходиться напр. въ VII и VIII классахъ гимназіи.

Въ настоящее же время объемъ преподаванія отечественнаго языка въ гимназіи почти нисколько не возвышается надъ уровнемъ его преподаванія въ двухклассныхъ народныхъ школахъ [1]), а еще менѣе надъ уровнемъ приготовительныхъ классовъ гимназіи. Для доказательства стоитъ сравнить хотя бы „учебный планъ русскаго языка“ въ I, II и III клл. гимназіи съ таковымъ же планомъ для приготовительнаго класса:

Курсъ приготовительнаго класса:	Курсъ перваго класса:
Раздѣленіе звуковъ и буквъ на гласные, согласные и полугласные....	Повтореніе ученія о буквахъ и звукахъ.
Имя существительное собственное и нарицательное, *означающее предметъ одушевленный*; мужескій, женскій и средній родъ; число; падежи и падежные вопросы; склоненіе существ. мужескаго рода на ъ, ь и й; средняго рода на о и е; женскаго на а, я и ь.	Имя существительное; его дѣленіе (собственное и нарицательное, *увеличительное и уменьшительное, уничижительное и ласкательное*); родъ именъ существительныхъ, *употребляющихся въ одномъ множ. числѣ*; склоненія сущ. на ъ, й, ь; о, е; а, я и ь жен. р. *и на мя; отступленія въ склоненіяхъ*; *орѳографія окончаній*.

[1]) См. Систематическій обзоръ народноучебной литературы. Стр. 172—173.

Имя прилагательное; два окончанія прилагательныхъ на ъ (ь), а (я), о (е) и на ый (ой, ій), ая (яя), ое (ее); склоненіе прилагательныхъ послѣдняго окончанія (исключая прилаг. на ій съ род. п. на ьяго). *Окончанія сравнит. степени на ѣйшій, айшій, ье и е.*

Числительное имя: склоненіе числительныхъ ь и ый (ой).

Имя прилагательное: *его дѣленіе (качественное и относительное).* Степени сравненія. *Прилагательн. увеличительныя и уменьшительныя.* Окончаніе опредѣленное и неопредѣленное; склоненіе прилагательныхъ качественныхъ и относительно на ый (ой), ая, ое; ій, яя, ее; *ій, ья, ье; ъ, а, о. Орѳографія окончаній.*

Имя числительное; *его дѣленіе (качественное и порядковое, дробное и собирательное.* Склоненіе числительныхъ и правописаніе.

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть, что курсъ перваго класса гимназіи есть не болѣе, какъ повтореніе курса приготовительнаго класса, съ самыми незначительными и притомъ плохо мотивированными дополненіями (означены курсивомъ). Неизвѣстно, напр., почему въ приготовительномъ классѣ нужно знать о именахъ существительныхъ, означающихъ предметъ одушевленный и неодушевленный, а въ 1-мъ классѣ можно этого и не знать, вознаградивъ одну выкинутую категорію именъ двумя вставленными (увеличительныя и уничижительныя)? Никто вѣдь не станетъ утверждать, что двѣ послѣднія категоріи недоступны пониманію учениковъ приготовительнаго класса или по крайности менѣе доступны, чѣмъ категорія словъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Такъ же плохо мотивировано различеніе синтаксическаго отдѣла курса приготовительнаго класса отъ курса второго класса. Все различіе заключается въ томъ, что въ 1-мъ обстоятельственныя слова раздѣляются на три группы (времени, мѣста и образа дѣйствія, стр. 21), а во 2-мъ на пять (прибавлены группы причины и цѣли). Не представляется ли курсъ I и II кл. по этому плану лишь пережевываніемъ того же грам-

матическаго матеріала, который воспринятъ уже ученикомъ приготовительнаго класса? Съ этимъ пережевываньемъ еще можно бы помириться, когда бы старый матеріалъ вливался хотя въ новую форму, освѣжался хоть сколько нибудь научной системой; но этого не видно въ планѣ. Тѣ же старыя схоластическія рубрики; то же отсутствіе послѣдовательности въ восхожденіи отъ однихъ явленій языка къ другимъ! Такъ напр. курсъ приготовительнаго класса предлагаетъ слѣдующую систематику грамматическаго матеріала: „раздѣленіе звуковъ и буквъ; дѣленіе словъ на слоги, удареніе; части простого предложенія; части рѣчи". Такимъ образомъ, планъ начинаетъ фонологіей, затѣмъ переходитъ къ этимологіи, перескакиваетъ къ синтаксису и опять возвращается къ этимологіи. Въ первомъ и второмъ классахъ порядокъ изложенія нѣсколько видоизмѣненъ, но безъ особеннаго успѣха: отъ фонологіи тутъ дѣлается непосредственный переходъ къ ученію о флексіяхъ т. е. формахъ склоненія и спряженія; затѣмъ выводится на сцену ученіе о корняхъ и основахъ, отъ которыхъ дѣлается скачекъ къ синтаксису простого и сложнаго предложенія. Такимъ образомъ ни въ приготовительномъ, ни въ I и II классахъ не выдержана система. Если мы разъ поставили во главѣ грамматики ученіе о предложеніи, то, очевидно, избираемъ путь аналитическій и должны нисходить отъ предложеній къ словамъ, а отъ словъ къ слогамъ и звукамъ, т. е. отъ синтаксиса къ этимологіи, а отъ послѣдней къ фонологіи; и наоборотъ, отправляясь отъ звуковъ, мы слѣдуемъ, конечно, методу синтетическому, т. е. должны восходить отъ звуковъ къ слогамъ, корнямъ, основамъ и словамъ, а отъ послѣднихъ къ предложеніямъ, другими словами—отъ фонологіи къ этимологіи и отъ нея къ синтаксису. Аналитическій путь намѣченъ въ планѣ приготовительнаго класса, а синтетическій въ планѣ I и II кл.; но въ обоихъ случаяхъ методъ не выдержанъ, и какъ мнѣ кажется, совершенно напрасно, къ ущербу не только теоретическихъ, но и практическихъ интересовъ преподаванія.

Ограничивъ преподаваніе отечественнаго языка въ гимназіи самымъ элементарнымъ курсомъ, составитель „плана“ очутился въ явномъ затрудненіи при опредѣленіи матеріала для 3 класса гимназіи. Пережевываніе элементарной фонологіи, этимологіи и синтаксиса успѣло уже понаскучить ученикамъ I и II кл.: что же предложить имъ въ III классѣ? Въ отвѣтъ читаемъ: „синтаксисъ сложнаго предложенія и сводъ всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія“. Но синтаксисъ сложнаго предложенія, а равно ученіе о знакахъ препинанія пройдены уже во II классѣ! Чтобы избѣжать улики въ новомъ пережевываніи учениками III кл. пройденнаго уже во II классѣ ученія о „предложеніи главномъ и придаточномъ; о видахъ предложеній придаточныхъ полныхъ и сокращенныхъ“, составитель плана распространяется на цѣлой почти страницѣ о разныхъ видахъ придаточныхъ предложеній, придавая этимъ фикцію обширности ученію о предметѣ самомъ немудреномъ и несложномъ. Чуть не на цѣлый классъ распредѣленъ здѣсь матеріалъ, который легко можетъ быть развитъ и усвоенъ въ 5—6 уроковъ!

А затѣмъ остается „сводъ всѣхъ правилъ объ употребленіи знаковъ препинанія“, правилъ уже извѣстныхъ ученикамъ и потому не доставляющихъ имъ никакихъ новыхъ знаній.

Каждый знатокъ дѣла согласится со мною, что въ двухъ строкахъ плана для втораго класса („словообразованіе: понятіе о корнѣ, суффиксѣ и флексіи“) заключается болѣе учебнаго матеріала, чѣмъ во всѣхъ 24 строкахъ плана для третьяго класса, при чемъ не менѣе десяти разъ повторена фраза: знаки препинанія. И это не даромъ: знаки препинанія являются послѣднею цѣлью всѣхъ стремленій составителя „учебнаго плана русскаго языка“, своего рода геркулесовыми столбами, далѣе которыхъ не должна простираться научная пытливость гимназиста. Грамотное правописаніе — вотъ идеальный итогъ всѣхъ грамматическихъ его познаній! Но такъ какъ идеалы обыкновенно остаются за предѣлами фактически достижимаго, то не уди-

вительно, что и въ сочиненіяхъ зрѣлости перепадаютъ по временамъ орѳографическія ошибки. Должно впрочемъ оговориться, что ошибки эти происходятъ не столько отъ незнанія учениковъ, сколько отъ безалаберности, господствующей въ орѳографическихъ системахъ нашихъ учебниковъ, а слѣдовательно и учителей. Какъ бы то ни было, главная и даже единственная цѣль составителя „учебнаго плана" — сознательное, послѣдовательное и однообразное во всѣхъ гимназіяхъ правописаніе—не достигается: нѣтъ однообразія, нѣтъ послѣдовательности, нѣтъ слѣдовательно сознательности.

Но положимъ, что цѣль грамотнаго правописанія вполнѣ достигается гимназическимъ курсомъ русскаго языка: достаточно ли этого для средняго учебнаго заведенія, особенно же классическаго, т. е. сосредоточеннаго на языковѣдѣніи? Ужели за этою элементарною цѣлью гимназическое преподаваніе отечественнаго языка не можетъ и не должно преслѣдовать никакихъ высшихъ задачъ, напр. историческаго понятія о его жизни, прошедшихъ судьбахъ, направленій развитія, діалектическихъ развѣтвленіяхъ, отношеніяхъ къ языкамъ родственнымъ и т. п.?

Мнѣ отвѣтятъ, что элементы исторіи русскаго языка входятъ въ курсъ IV класса, посвященный грамматикѣ древняго церковнославянскаго языка. Я признаю важность этого курса и охотно допускаю, что въ немъ гимназическое преподаваніе отечественнаго языка замѣтно возвышается надъ курсомъ народныхъ училищъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что этимъ дополнительнымъ курсомъ IV класса ни чуть не искупаются недостатки въ постановкѣ того же предмета въ первыхъ трехъ классахъ. Научное преподаваніе въ IV классѣ не вознаграждаетъ за ненаучность изложенія въ I—III классахъ гимназіи. Сверхъ того курсъ IV кл. виситъ въ воздухѣ, лишенный живыхъ связей съ матеріалами предыдущаго изученія, т. е. съ языкомъ русскимъ съ одной стороны, и новымъ церковнославянскимъ (въ текстахъ катихизиса и т. п.) съ другой. Чтобы установить подобныя связи, необходимо соединить преподаваніе цер-

ковнославянскаго языка съ русскимъ уже съ перваго класса, а затѣмъ не ограничивать матеріалъ церковнославянскаго языка однимъ древнимъ періодомъ, а распространить его и на средній, и на новый періодъ. Параллельное прохожденіе фонологіи русской съ церковнославянскою, а затѣмъ параллельное же изученіе этимологіи и синтаксиса обоихъ языковъ отразилось бы самыми благодѣтельными послѣдствіями на учебной постановкѣ отечественнаго языка. Въ его изученіе былъ бы внесенъ этимъ историко-сравнительный методъ, безъ котораго немыслимо серьезное объясненіе явленій родного языка. Распространяя затѣмъ границы церковно-славянскаго языка съ XI в. на послѣдующіе вѣка, вплоть до нашего времени, мы достигнемъ вѣрнаго понятія о языкѣ нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, — языкѣ имѣющемъ для современнаго поколѣнія не теоретическій лишь интересъ (какъ языкъ Остромирова евангелія), но и важныя практическія примѣненія. Да и независимо отъ того странно, что „объяснительная записка“ къ учебному плану церк.-слав. языка ограничиваетъ преподаваніе его изученіемъ свойствъ языка Остромирова текста (стр. 32), какъ будто этотъ текстъ представляетъ квинтэссенцію и норму церк.-слав. языка! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что текстъ Остромирова евангелія представляетъ множество русскихъ наслоеній на фонѣ югославянскомъ и что многія древнія формы кирилловскаго языка (напр. сигматическій и второй аористы), совершенно не встрѣчаются въ этомъ кодексѣ, хотя изобилуютъ во множествѣ другихъ памятниковъ не только XI, но и послѣдующихъ вѣковъ.

Странно и то, что „учебный планъ“ ограничиваетъ синтаксисъ церковнославянскаго языка пятью или шестью вопросами, которыми ни мало не исчерпываются даже самыя основныя особенности этого языка въ построеніи предложеній. Составитель „плана“ какъ будто руководствовался церковнославянскою грамматикою г. Колосова, въ которой фонологіи посвящено (по изданію 1878 г.) 24 стр., этимологіи 45 стр., а синтаксису всего двѣ страницы!

Составитель оффиціальнаго „учебнаго плана“ по рус-

скому и церковнославянскому языкамъ не можетъ ссылаться въ оправданіе скудости этого плана на низкій уровень нашей учебной литературы по теоріи отечественнаго языка. Даже Русская грамматика Ломоносова, изданная въ 1755 г., представляетъ во многихъ мѣстахъ уровень изложенія болѣе возвышенный, чѣмъ тотъ, который предполагается „учебнымъ планомъ“. Еще въ бо́льшей степени можно сказать это о русскихъ граматикахъ Пухмайера, Востокова, Давыдова и особенно объ Исторической грамматикѣ и Христоматіи г. Буслаева. Что мѣшало Министерству удержать въ нашихъ гимназіяхъ преподаваніе отечественнаго языка хотя бы на томъ лишь уровнѣ, до котораго оно возвысилось въ трудахъ московскаго профессора? Экономія времени? Но зачѣмъ же оно расточается такимъ непроизводительнымъ образомъ на пережевываніе въ 1, 2 и даже 3 классахъ жвачки отъ пищи, воспринятой въ приготовительномъ классѣ? Да и наконецъ обстоятельное, научное знакомство съ роднымъ языкомъ имѣетъ такую первостепенную теоретическую и практическую важность для цѣлей и въ системѣ гимназическаго образованія, что въ случаѣ недостатка времени можно бы пожертвовать чѣмъ либо болѣе второстепеннымъ, напр. однимъ изъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ!

Для устраненія недостатковъ въ постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ гимназіяхъ я предложилъ бы на обсужденіе компетентныхъ лицъ и мѣстъ слѣдующія мѣры:

1. Раздѣлить преподаваніе отечественнаго языка на два курса: низшій въ I—IV классахъ (15 час. въ нед.) и высшій въ VII и VIII кл. (по 2 часа въ нед.), такъ что въ совокупности получилось бы 19 часовъ, какъ теперь для французскаго или нѣмецкаго языка. Недостающіе 4 недѣльные часа можно отнять отъ одного изъ послѣднихъ языковъ, или по 2 часа отъ каждаго.

2. Низшій курсъ долженъ представлять систематическую, по синтетическому методу составленную граммати-

ку русскаго языка, параллельно съ церковнославянскимъ какъ древняго, такъ средняго и новаго періода.

3. Высшій курсъ грамматики долженъ подвести итоги совокупности явленій и фактовъ, усвоенныхъ учениками не только по русскому, но и по другимъ языкамъ—древнимъ и новымъ. Обзоръ этотъ долженъ быть составленъ по историко-сравнительному методу и заключать въ себѣ наиболѣе существенныя указанія какъ по исторіи и діалектологіи русскаго языка, такъ и по вопросу объ его отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ славянскимъ и неславянскимъ.

4. Желательно бы объявленіе конкурса на составленіе низшаго и высшаго курсовъ русской грамматики, съ назначеніемъ поощрительной преміи за тѣ учебники, которые признаны будутъ наиболѣе соотвѣтствующими современному состоянію науки и практическимъ условіямъ преподаванія въ классическихъ гимназіяхъ.

5. Педагогическимъ совѣтамъ гимназіи слѣдуетъ предоставить допущеніе перемѣнъ въ нынѣшнемъ учебномъ планѣ русскаго языка, въ видахъ подъема уровня его преподаванія. Что касается новаго учебнаго плана, то онъ долженъ быть составленъ не по посредственнымъ учебникамъ, а по указаніямъ дѣйствительныхъ спеціалистовъ русскославянской филологіи, при чемъ требованія научныя и педагогическія не исключались бы взаимно, а напротивъ находились бы въ гармоническомъ соединеніи.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить убѣжденіе, что при нормальныхъ условіяхъ „учебные планы“ Министерства не должны оставаться чѣмъ то неподвижнымъ и неизмѣннымъ, какъ слова Евангелія, а наоборотъ постоянно видоизмѣняться и развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ науки и указаніями опыта. Въ противномъ случаѣ планы эти будутъ не полезными руководителями, а крайне вредными тормазами нашей юной школы.

А. Будиловичъ.

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР № 1964

Дозволено Цензурою. Варшава 13 Марта 1882 г.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго, Крак.-Предмѣстье N 15.

Музей ... Библиотека